

Нина ПАШАЕВА

КАРПАТОРУССКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ В РОССИИ В 1-й половине XIX века: ОРЛАЙ, БАЛУГЬЯНСКИЙ, ЛОДИЙ, КУКОЛЬНИК, ВЕНЕЛИН*

Когда мы изучаем историю связей Карпатской Руси и ее деятелей с Россией, мы обязательно вспоминаем имена ученых карпатороссов первой половины XIX в., навсегда связавших свою судьбу с Россией. Как известно, первые годы правления Александра I ознаменовались реформами в области и среднего и высшего образования. Создается единая система обучения и образования. В 1802 г. возникло Министерство народного просвещения, взявшее на себя руководство низшими, средними и высшими учебными заведениями, Академией наук, типографиями, библиотеками и музеями. Новая система обучения включала в себя приходские и уездные училища, гимназии и университеты, во всех уездных городах создавались гимназии, куда без экзаменов поступали учащиеся по окончании уездного училища. Гимназии готовили своих учеников к возможному поступлению в университет. Помимо Московского университета, прошли реорганизацию или вновь возникли Дерптский (1802), Виленский (1803), Казанский и Харьковский (1804) и, наконец, Петербургский (1819) университеты. Параллельно возникло несколько лицеев, среди них, кроме знаменитого Царскосельского (1810), Ришельевский в Одессе (1817), лицей князя Безбородко в Нежине (1820) и др. Особенность лицеев заключалась в том, что студенты получали не только гимназическое образование, но также элементы университетского. Собственно лицей готовил образованных людей, уже не обязательно нуждавшихся в получении университетского образования [1, с. 19-20]. Т. Байцура, автор монографии, откуда мы приводим эти краткие данные, дает на своих страницах развернутую картину тех грандиозных задач, целью которых была подготовка образованных людей для страны и ее научных и педагогических кадров. На первом этапе ощущался острый недостаток и профессоров, и преподавателей. Их приходилось приглашать из-за границы. Среди них - вы-

---

* Доклад был зачитан на семинаре «Подкарпатские русины и Россия» 20 декабря 2007 г. в библиотеке-фонде «Русское зарубежье» (г. Москва).

Иван Семенович Орлай

ходцы из Закарпатья, карпатороссы. Пятро, о которых пойдет речь, оставили добрый след в нашей науке и культуре.

Первым из них был **Иван Семенович Орлай** (1770-1829), ученый медик, педагог, историк, общественный деятель. Он получил образование в Ужгородской и Великокарловской гимназиях, Нодьярадской (Великоварадинской) академии, Львовском университете, на богословском факультете Пештского университета. В 1789 г. стал членом ордена пиаристов, работал профессором Великокарловской гимназии пиаристов, но в 1790 г. Орлай попросил назначения в одну из светских гимназий. В августе ему было отказано. В ноябре того же года он пытался получить должность адъюнкта при профессоре физики и математики Яноше Хорвате в университете в Пеште, лучше всех выдержал экзамен - и получил отказ. Ни образование, ни талант не могли найти применения в Австрийской империи, где славянам всячески препятствовали занимать ответственные должности [1, с. 40; 2, с. 286]. Позднее сын В.К. Кукольника Нестор скажет: «Карпатороссу и униату не представлялось никаких средств проложить себе в Венгрии или Австрии почетную дорогу» [3, с. 4]. В 1791 г. Орлай эмигрировал в Россию, в 1792 г. поступил в Санкт-Петербургское медико-хирургическое училище, окончил его досрочно и в 1793 г. получил диплом врача. В дальнейшем он прошел все ступени служебной карьеры до гофхирурга и гоф-медика в царском дворце, был ученым секретарем Медико-хирургической академии (1808-1817), редактором «Всеобщего журнала врачебной науки», единственного тогда в России медицинского журнала, в Дерптском университете защитил докторскую диссертацию по медицине (1806), был членом многих русских и зарубежных научных обществ. Его приглашали на место профессора и в Харьковский (1811) и в Московский (1820) университеты, но в Медико-хирургической академии он вел практически один всю организационную работу, и его долго не отпускали. В 1821-1826 гг. он - директор Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине, а с 1826 г. до конца жизни (1829) возглавляет Ришельевский лицей в Одессе.

Орлай был первым среди закарпатских педагогов и ученых, практически вынужденных покинуть свою малую родину. Хотя недаром его ученик, сын В.Г. Кукольника Нестор, вспоминал позднее, что у Орлая «любовь к далекой родине никогда не угасла» [1, с. 25]. 5 марта 1803 г. Орлай предоставил попечителю Петербургского учебного ок-

руга Н.Н. Новосильцеву проект, в котором, по свидетельству того же Нестора Кукольника, указал на «... весьма легкое, верное и действительное средство иметь в самом скором времени способных и знающих преподавателей, которые бы могли в самый непродолжительный срок излагать науки по-русски. Средство это заключалось в приглашении иноземных наставников славянского происхождения, и преимущественно карпатороссов, так как они обыкновенно знают основательно церковнославянский язык» [1, с. 26]. Проект И.С. Орлая носил название «Записка гоф-хирурга Орлая о некоторых карпаторусских профессорах». В своей «Записке» Орлай писал: «Отгороженные в смутные времена от матери своей России россияне населяют из древних времен Карпатские горы, определенные им господствовавшим над ними народом. Яко ветвь, отсеченная от древа своего, хотя и были они пренебрегаемы несколько веков, и даже летописателями русскими оставлены в забвении; но одушевляясь чувствованием изящного своего начала и величием народа, коего суть отрасль, не имели они во все времена недостатка в достойных себя мужах, которые в поприще своем прославляли имя россиян. Текущий век, отличившийся пред всеми предтеками просвещением, произвел в карпатороссийском народе мужей, принесших и приносящих целой Римской империи пользу и славу» [1, с. 26]. Далее Орлай дает характеристику тем шести кандидатам, которых рекомендует. Всем были посланы вызовы, из них в Россию приехали трое - Балудянский, Кукольник и Лодий [1, с. 30]. «Нет сомнения, - пишет в той же «Записке» Орлай, - чтобы сии карпатороссияне, упражняющиеся в просвещении иноверцев и иноплеменных, разными противу их предрассудками зараженных, не посвятили охотно трудов своих и способностей древнему отечеству своему России, образуя ум братьев своих вместо чужеземцев, которые хотя и не рождены для воспитания россиянина, но к тому употребляются и с немалыми издержками, таковое со стороны России к ним доверие примут тем с вящею радостью, что кроме удовольствия быть полезным своим единоверцам и единокорядцам, уповают они приобрести в России выгоды, могущие вознаградить способность их и усердие, чего в австрийской службе по предубеждению католиков и по другим политическим причинам без крайнего труда достигнуть они не могут» [1, с. 27]. Россия не обманула надежд приехавших карпатороссов, им были созданы соответствующие условия для работы, а после окончания службы они могли вернуться назад. Но этим правом не воспользовался никто, их потомки, уже русские, остались в России. (Подробнее [1, с. 52-54; 3, с. 8]).

Человек широко образованный, Орлай был также историком, с 1809 г. членом, а с 1823 г. действительным членом Московского общества истории и древностей российских [3, с. 9]. Об истории Угорской

Руси в России известно было очень мало. На страницах журнала «Северный вестник», издававшегося в Петербурге (1804, ч. 1, 2 и 3), Орлай опубликовал статью «История о карпатороссах». Хотя ряд положений в ней не всегда принимается современной наукой, это была первая в России работа по истории Закарпатья, «позволившая научной общественности узнать об одном из регионов славянского мира» [3, с. 2]. Знаменательно, что Орлай в своем изложении останавливается на истории введения в Закарпатье унии: «...скажу только вкратце, что карпатороссияне жесточайшей пытке подвержены были тогда, когда угры варварскими и неслыханными средствами принуждали их принять унию или согласиться на соединение с римско-католическою церковью. 300 священников с лишком, не хотевших принять сию унию, заключены были в Ерлавские тюрьмы. Другие окруженные в Унварском замке войском принуждаемы были подписать Унию... В 1798 году ... большая часть карпатороссиян признавала уже папское иго. О сей Унии г. Лампе говорит следующим образом: "Хотя некоторые из священников волосских, греческих, фракийских и русских вступили в некоторую унию с Римскою церковью, однако народ имеет весьма великое отвращение от оной"» [3, с. 63-65].

Сподвижником Орлая был **Михаил Андреевич Балудянский** (или Балугьянский, как он звал себя сам и как продолжали писать свою фамилию его потомки) (1769-1847), русский экономист, доктор права, педагог и политический деятель. «Г-н Балотянский, - читаем мы в известной нам «Записке» Орлая, - в Великоварадской академии в Венгрии публ. орд. профессор права естественного, публичного и народного универсального и политики. Родом карпатороссиянин. Курс философии кончил в Кошицкой академии в Венгрии, а юриспруденции в университете Венском. Сей муж везде был первый, везде непобедимый в науках» [1, с. 28]. На родине был участником тайной якобинской венгерской организации. После ее разгрома и казни 5 руководителей вынужден был уйти в провинцию, где находился под постоянным надзором полиции. Прямых улик против него не нашли. По приглашению Балугьянский прибыл в Россию в начале 1804 г., и с этого же года он - профессор политических наук в Санкт-Петербургском педагогическом институте, а после его

**Михаил Андреевич
Балудянский**

преобразования в Петербургский университет - первый его ректор (1819-1821). Им введен термин «политэкономия» [2, с. 286]. Параллельно с педагогической работой Балугьянский с момента приезда в Россию развернул практическую деятельность в области правоведения. В 1804 г. он включился в работу Комиссии составления законов, с преобразованием Комиссии во второе отделение императорской канцелярии он официально утвержден в качестве его главы (1809). Балугьянский работал в Комитете по финансовым делам, много сделал в области финансовой политики, его перу принадлежат многочисленные проекты государственных учреждений, комиссий и т.д. [1, с. 68 и далее]. Большое внимание отводил он в своих занятиях крестьянскому вопросу, принял участие в разработке положения о государственных крестьянах, которое, однако, не было проведено в жизнь [1, с. 74-76]. «Отправным моментом реформаторских замыслов М.А. Балугьянского было отрицательное отношение к крепостническому строю и требование его ликвидации... Анализ его взглядов показывает, что он был сторонником проведения реформ «сверху», возлагая надежды на инициативу правительственных кругов» [1, с. 77].

На годы, когда Балугьянский был ректором, приходится период резкого усиления реакции. 1821 г. стал временем разгрома Петербургского университета, расправы, которую учинили по инициативе «сверху» попечитель Петербургского учебного округа Д.П. Рунич и директор Петербургского университета Д.А. Кавелин над неугодными профессорами. Балугьянский был потрясен судом, проходившим над ними в университете, как он сформулировал, «в обстановке форменной инквизиции» [4, с. 139]. (Подробнее [4, с. 135-151]). Он пытался заступиться за невинно гонимых, но, поняв, что это бесполезно, сложил с себя должность ректора и подал в отставку. Как писала в воспоминаниях его дочь, «это решение соответствовало его сильному и независимому характеру: он не задумался над тем, что у него большое семейство, а средства ограничены, и ни минуты не колебался пожертвовать своим благосостоянием для защиты невинных людей» [4, с. 137]. М.А. Балугьянский «был талантливым сподвижником М.М. Сперанского, крупнейшим по уму государственным деятелем своего времени» [1, с. 85], блестящим законоведом. Он был ближайшим помощником М.М. Сперанского и «сыграл крупную роль в деле кодификации законов Российской империи» [1, с. 83]. В 30-е гг. он стал, наконец, русским подданным, получил потомственное дворянство (1837), стал сенатором (1840). Над ним больше не тяготел запрет австрийского императора возвращаться на родину, наложенный при выезде в Россию. Однако, когда уже стариком он посетил Пешт, чтоб повидать своих друзей, секретная полиция Венгрии продолжала за ним следить [4, с. 195].

В своей «Записке» 1803 г. Орлай приводит краткие сведения еще об одном карпатороссе, готовом выехать в Россию: «Г-н Кукольник. В Замосцкой академии, что в Чермной России (Галиция), физики экспериментальной и математики публ. ор. профессор. Родом карпатороссиянин. За дарования и успехи в науках с согласия академиков произведен в профессора. Лекции преподает на латинском языке» [1, с. 27-28]. **Василий Григорьевич Кукольник** (1765-1821) - педагог, физик, агроном, юрист - по вызову прибыл в Петербург в 1803 г. И В. Кукольника, и П. Лодия Орлай хорошо знал еще со времен учения во Львовском университете. Недаром, когда в 1787 г. австрийский император Иосиф I посетил университет, он пожелал, чтобы ему представили лучших студентов. Ими были Орлай, Кукольник и Лодий. И оба коллеги не обманули надежд Орлая [3, с. 4]. Кукольник преподавал юридические предметы, принимал участие в Комиссии составления законов, куда в 1816 г. был определен на должность управляющего для особых поручений [1, с. 88]. «На своей новой родине,- пишет его биограф,- Кукольник проявляет неустанную и разностороннюю деятельность. Быстро усвоив русский язык, он читает физику, химию, технологию и сельское домоводство в педагогическом институте, римское и частное российское право в главном педагогическом институте и преподает в течение четырех лет (1813-1817) юридические науки великим князьям... почти в каждой отрасли наук, которые Кукольник преподавал, он оставил литературные труды» [1, с. 88-89]. Приводя эту цитату, Т. Байцура тут же поясняет, что речь идет об обширной учебной литературе, посвященной преимущественно вопросам экономики и права [1, с. 89]. Свою деятельность в Педагогическом институте Кукольник начал с 6 августа 1803 г. [1, с. 30], и когда в 1819 г. Педагогический институт был преобразован в университет, Кукольника думали увидеть первым ректором. Однако этого не произошло. 19 апреля 1820 г. в Нежине на средства братьев А.А. и И.А. Безбородко была основана гимназия, а почетным попечителем ее стал внук И.А. Безбородко А.Г. Кушелев-Безбородко, ученик Кукольника. Он-то и пригласил Кукольника на пост директора Нежинской гимназии, а в будущем лицея. Задачей этого учебного заведения, как и вообще тогдашних лицеев, было дать своим питомцам одновременно и среднее, и высшее образование. Свой уход из университета и отъезд из Питера Кукольник объясняет слабостью здоровья, преклонным возрастом, хотя ему было тогда всего 55 лет [1, с. 108]. Менее полугода проработал он директором гимназии, успел многое сделать, но 6 февраля 1821 г. он внезапно умер, официально - от апоплексического удара. Но, по свидетельству его сына Нестора, его отец покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна третьего этажа [1, с. 110]. Сейчас даже на страницы энциклопедии попадает версия, согласно

которой причиной тяжелой депрессии, приведшей В.Г. Кукольника к самоубийству, был «разрыв со столичным кругом ученых» [2, с. 226]. Однако едва ли можно забыть, что так называемые «дела о вольнодумстве» в 1816 г. уже прошли в Харьковском университете, в 1819 г. - в Казанском и до погрома в Петербургском университете оставалось только чуть более полугода [1, с. 126]. Позднее очередь дошла и до Нежина. «В 1827-1830 годах проходил еще один процесс, на котором в роли подсудимых предстала группа наиболее прогрессивно мыслящих преподавателей гимназии» [1, с. 144-145].

После смерти В.Г. Кукольника на пост директора гимназии был приглашен И.С. Орлай. Он возглавлял гимназию в течение пяти лет. Как пишет исследователь, «фактически Нежинская гимназия была первым учебным заведением, где он (Орлай) пытался осуществить свои педагогические замыслы и довольно удачно», ему удалось «сделать очень многое для развития гимназии» [1, с. 120]. «Концепция И.С. Орлая опиралась на идеологию просветительства, на идею борьбы разума и добродетели против невежества и зла. Судьба человека, общества и государства, согласно его взглядам, теснейшим образом связана с успехами развития разума... Логическим завершением просветительского мировоззрения И.С. Орлая была идея всеобщего бессловного образования народа» [1, с. 112-113]. «И почему бы дети неимущих родителей должны быть исключены от чувствований добродетели и чести, - отмечал он. - Разве мы не знаем, что в бедности открываются нередко величайшие дарования и отличные таланты? Разве бессмертный наш Ломоносов не из рыбацкого шалаша вознес себя славою выше многих богачей и дворян?» [1, с. 113]. Провести эти принципы в жизнь полностью тогда не было возможности, но все же усилиями Орлая удалось добиться приема вольноприходящих учеников в привилегированную закрытую гимназию с пансионом и общежитием. Один из его питомцев много позже вспоминал: «Этот по видимому слабый, раздражительный, странный начальник умел снискивать любовь к себе детей почти неограниченную. Никто в присутствии его никогда не забывался, но никто и не стеснялся его присутствием. Шалили напропалую, учились еще пуще и наблюдали только за тем, чтобы в шалости тля подлости не залезла. Такое направление получило характер рыцарский, в особенности с открытием 7-го класса. Тогда Иван Семенович останавливал молодежь, если больно шалила, словами: «Неловко, господа! Ведь вы уже офицеры». И юношество ровнялось, укладывалось в благородные формы, лезло, рвалось быть образованным, даже ученым» [1, с. 118-119].

Выпускниками гимназии среди других были известный украинский поэт Е.П. Гребенка, в будущем профессора П.Д. Редкин и В.Ф. Домбровский, упоминавшийся нами сын В.Г. Кукольника Нестор и, конеч-

но, Николай Васильевич Гоголь, уже тогда проявивший интерес к литературе, живописи, обнаруживший в себе актерский талант. Об Орлае Гоголь не раз упоминает в своих письмах домой - его отец был знаком с Орлаем лично.

Директором гимназии Орлай пробыл пять лет, многое успел сделать, но в 1826 г. он переходит на должность директора Ришельевского лицея в Одессе (с 1826 - до самой смерти 29 февраля 1829 г.). Внимательный исследователь и знаток архивных материалов Тамара Байцура, работу которой мы постоянно цитируем [1], справедливо задает вопрос, почему Орлай, столько сделавший для гимназии, ушел из нее, и предоставляет нам только факты и право самим искать ответ. Так, по свидетельству И.Г. Кулжинского, учителя Нежинской гимназии, «директор с утра до ночи бился как рыба об лед и редко в ком находил сочувствие или пособие... И.С. Орлай чрезвычайно тяготился своим положением в Нежине» [1, с. 121]. Как директор гимназии он проявлял большую заботу о преподавательских кадрах. В 1825 г. по его приглашению младшим профессором гимназии стал молодой талантливый правовед Н.Г. Белоусов, до того профессор Киевской гимназии, разделявший передовые взгляды Орлая. Активным врагом Белоусова (а косвенно и Орлая) стал поддержанный некогда Орлаем младший профессор гимназии М. В. Билевич, тоже карпаторосс. Вражду к Белоусову иногда объясняют тем, что Билевич опасался, как бы более талантливый, чем он, Белоусов, не стал старшим профессором политических наук (на это претендовал он сам). С завистью следил он за растущим влиянием Белоусова в гимназии. Свою разрушительную деятельность Билевич развернул уже после ухода из гимназии Орлая, но, вероятно, конфликт назревал уже раньше и был показателем столкновения двух противоположных направлений в истории среднего и высшего образования России первой трети XIX в. [1, с. 146-147]. Думается, неизбежность в общем-то бесполезной борьбы за передовые идеалы против тогдашней позиции русского правительства Орлай понимал и участвовать в этой борьбе просто не мог. Интриги Билевича против Белоусова имели успех, его поддерживала реакционно настроенная часть преподавателей [1, с. 146]. В 1827 г. Билевич написал 5 доносов на Белоусова [1, с. 147], началось очередное «дело о вольнодумстве». «Из гимназии были уволены самые лучшие учителя, а многих впоследствии лишили возможности работать в области просвещения» [1, с. 148]. Среди них был и Белоусов, никогда уже не вернувшийся на кафедру. Стоит еще вспомнить, что в его защиту выступил ученик гимназии Н. Гоголь.

Четвертым ученым карпатороссом, оставившим светлый след в истории отечественной науки и просвещения, был **Петр Дмитриевич Лодий** (1764-1829). Рекомендую пригласить его в Россию, в сво-

Петр Дмитриевич Лодий

ей «Записке» 1803 г. Орлай писал: «Петр Лодий. Карпатороссиянин во Львовском университете логики, философии моральной, метафизики и математики публ. ординар. профессор. Первоначально упражнялся с большим успехом в Великоварадской академии и по отличным дарованиям в науках занимает настоящее место более 12 лет. Лекции преподает на русском языке» [1, с. 27]. В том же 1803 году, 1 августа Лодий поступил на российскую службу [1, с. 46]. В Педагогическом институте Лодий читал логику, метафизику, нравственную философию, естественное, публичное, государственное и народное право, принимал активное участие

в жизни института, преподавал, как Балугьянский и Кукольник, на публичных курсах при институте. Эту активную деятельность он продолжил и тогда, когда в 1819 г. Педагогический институт был преобразован в Санкт-Петербургский университет. Так, с декабря 1819 г. по август 1825 г. он был деканом философско-юридического факультета, одновременно советником, а потом заседателем правления и т.д. «Неукоризненные правила жизни, прямодушие, честность, доброта, разносторонние и основательные знания, хотя от времени и несколько устаревшие, приобрели Лодию всеобщее уважение и доверенность», - писал позднее один из его слушателей П.А. Плетнев [1, с. 61]. Своим передовым убеждениям Лодий оставался верным до конца жизни, недаром в 1823-1828 гг. он был привлечен по секретному делу «О вредном преподавании философских наук» [1, с. 149]. Но расправиться с ним не успели - он проработал в университете до конца своей жизни и умер 20 июня 1829 г. [1, с. 61].

Балугьянский, Кукольник, Лодий приехали в Россию по приглашению уже сложившимися специалистами, Орлай имел опыт профессора гимназии. К тому же в своих послужных списках они указывали свое благородное происхождение, что, вероятно, способствовало получению ими на родине серьезного образования [1, с. 12-13]. Ничего этого не было у самого младшего из интеллигентов-карпатороссов **Юрия Ивановича Венелина** (1802-1839). Юрий Венелин, историк, филолог, этнограф, археограф, родился в селе Великая Гибава в Закарпатье в семье сельского униатского священника Гуцы (или Хуцы). Окончив в Ужгороде гимназию и поступив в семинарию, он, как лучший ученик, получил возможность изучать философию в Сатмарском

епископальном лицее. В 1822 г. он поступил на философский факультет Львовского университета, некоторое время слушал лекции профессоров Сегединской академии (тогда Сегедин был практически католическим городом). В Сатмарском лицее и затем в Сегединской академии учился и двоюродный брат и друг Гуцы Иван Иванович Молнар. Незаурядные способности и трудолюбие двух земляков обратили на себя внимание католического начальства, и обоих намеревались постричь в монахи против их желания. В 1821 г., когда вследствие происков монахов пострижение оказалось неизбежным, они решили бежать в Россию [1, с. 49-50]. Эти краткие сведения, приводимые исследователем, показывают вынужденный характер бегства двух братьев из Австрийской империи, однако затем Тамара Байцура пишет: «Вместе с тем определенное значение в их переезде имели давние симпатии к русскому народу, к России, в которой видели родину своих предков. Позднее И.И. Молнар вспоминал: "Венелин, карпаторус по рождению, всегда стремился в Россию и пламенно желал поселиться посреди самобытного народа, к которому принадлежал сам и которого историей преимущественно занимался"» [1, с. 50]. Говоря о воззрениях Венелина, можно вспомнить еще, например, высказывание на страницах его книги «Об источнике народной поэзии вообще и о южнорусской в особенности», вышедшей в Москве в 1834 г. Он пишет: «Ни северяне, ни южане сами себе источником быть не могут: ибо сколько они ни войдут в самих себя, все выйдет одно и то же. Само собою следует, что источником многого хорошего, многого поэтического для Северной Руси есть Южная Русь; источником Южной - Северная. Одна без другой много бы потеряла; одна другою только и может улучшиться, существовать; ибо ни та, ни другая не составляет целого народа, а часть его» (Цит. по [5, с. 163]).

В 1823 г. Юрий Гуца переименовал фамилию на Венелович и Венелин. Все его печатные работы вышли уже под фамилией Венелин. И в этом же году братья были уже в пределах России, в Кишиневе, устроились с помощью губернатора И.И. Инзова и других лиц в пансион при Кишиневской семинарии, где оба получили места воспитателя и преподавателя: Венелин - арифметики, а Молнар - латинского языка [1, с. 37]. В Кишиневе Венелин вошел в тесные контакты с жившими там болгарями, познакомился с их

Юрий Иванович Венелин

языком и бытом, собирал материалы касающиеся истории, фольклора, лингвистики болгарского народа [6, с. 98-99]. В 1825 г. братья переехали в Москву и с помощью И.С. Орлая и П.Д. Лодия поступили на медицинский факультет Московского университета, который Молнар окончил в 1828 г., а Венелин - в 1829 г. В этом же году вышла в свет первая большая работа Венелина «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (том I. М., 1829. 256 с.). Книга была напечатана по инициативе М.П. Погодина и вызвала живой отклик не только в России, но и за рубежом (П.Й. Шафарик и др.). Но главная заслуга Венелина состояла в том, что «несчастный народ, некогда благороднейший из всех славянских племен», поработанный турками, получил свою первую историю. По словам П. Бессонова, биографа Венелина, он начертал свою монографию «не на бумаге, а в сердцах целого возродившегося народа, начертал не пером, а живым влиянием своей личности, создал, поддержал энергией своей пылкой деятельности» [5, с. 12].

Получив свой университетский диплом, Венелин проработал врачом Московского военного госпиталя в 1829-1830 гг. и больше к медицине не возвращался. В 1830-1831 гг. он совершил по поручению Российской Академии наук на ее средства путешествие по территории Болгарии, Валахии и Молдавии - одно из первых в России научных путешествий. За короткий срок он сумел собрать богатый материал. Всего путешествие длилось год и восемь месяцев (596 дней). Наиболее важными итогами путешествия были «Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты» и «Грамматика нынешнего болгарского наречия» [1, с. 170-171]. Грамоты были опубликованы через год после кончины Венелина в 1840 г., «Грамматика» - первая грамматика болгарского языка - позже, через полтора года после кончины автора, ее подготовил и издал в 1997 г. Г.К. Венедиктов. Подготовка научных трудов, напряженная исследовательская работа Венелина проходила непрерывно все последние годы его жизни под знаком болезни, или, как он выражается, «нездоровья» и «тощего кармана». Этой теме посвящена специальная небольшая статья в сборнике докладов, подготовленных к юбилейной конференции «Трагическая судьба ученого». Автор ее О. Мазурок предваряет ею публикацию нескольких писем Венелина А.А. Краевскому, издателю «Отечественных записок». Особенно тяжелое впечатление производит последнее, от 24 февраля 1839 г., где Венелин пишет: «С Рождества я почти постоянно нездоров... вот уже год как ни копейки доходу, между тем как расходы растут». Через месяц, 26 марта 1839 г., ученого поразил удар, он упал на пороге своей комнаты и умер через несколько часов на руках своего друга и брата врача И. Молнара в Павловской больнице [5, с. 128-134].

После Венелина осталось более 50 научных работ, лишь очень немногое было опубликовано при его жизни. Как первооткрыватель-специалист по истории Болгарии он признан был сразу, и благодарными болгарам его имя донныне упоминается среди болгарских будителей. Но недаром теперь все чаще мы слышим, что Венелин «стоял у колыбели русской славистики, сделал много для ее развития на начальном этапе существования» (см. напр. [1, с. 168]). Наследие Венелина-слависта показывает широту интересов ученого, огромную работу, которую он вел. В его лице мы видим историка-романтика, который полностью не вписывался при жизни и не вписывается донныне в классические рамки историографии. Труды, которые он оставил, - не учебник, а памятник поисков, находок, решений, порой блуждание замечательно русского слависта.

***

Мы говорили здесь о пятерых ученых-карпатороссах - энтузиастах, ставших русскими учеными, и закончим нашу статью словами Тамары Байцуры, книгу которой постоянно цитировали: «Эти люди принадлежали к числу талантливых и оригинальных исследователей. Начав свою творческую деятельность в науке в тот момент, когда зарождались и переживали период становления ее отдельные отрасли... по мере своих сил и возможностей они внесли свой вклад в сокровищницу просвещения и науки России» [1, с. 186].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава-Пряшев: Словацке педагогічне видавництво в Братіславі; Відділ української літератури в Пряшеві, 1971. 230 с.

2. *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. 431 с.: ил.

3. *Орлай И.О.* 3 наукової спадщини. Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-видавничий відділ управління у справах преси та інформації, 2005. 144 с.

4. *Косачевская Е.М.* Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1971. 272 с.: ил.

5. Науковий вісник Ужгородського університету. Серія історія. Випуск 8.- Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2003 188 с.: ил.

Весь вып. 8 содержит материалы конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ю.И. Венелина.

6. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М.: Наука, 1979. 430 с.